

<http://socialist.memo.ru/books/lit/morozov2/pril.zip>

[источник: Суд над социалистами — революционерами (июнь — август 1922г.): Подготовка. Проведение. Итоги. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2002 сост.: С.А.Красильников, К.Н.Морозов, И.В.Чубыкин]

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПОДСУДИМЫХ НА ПРОЦЕССЕ

№ II-75

Защитительная речь А.Р. Гоца на процессе 1 августа 1922 г.

Прокурор здесь поставил кардинальной важности вопрос, вопрос о том, кто начал гражданскую войну и на ком лежит за нее ответственность. Без решения этого вопроса понимание всего последующего немыслимо. Но Крыленко, вместо решения этого вопроса, отделяется от него анекдотом. Анекдотом о Тимофееве, который, де, приехав в Петроград, увидел все стены оклеенными большевистскими плакатами – «мир хижинам, – война дворцам!» и решил на этом, что гражд[анскую] войну начали большевики, и что ПСР должна вступить за дворцы, то есть за буржуазию. Но вопрос стоит совсем не об этой гражданской войне, не о борьбе между классами, а о борьбе внутри демократии, внутри класса трудящихся, ибо в этой борьбе по обе стороны баррикад были массы пролетариата и крестьянства. И вот виновником начала этой[-] то гражданской войны и был большевистский Военно-Революционный Комитет в Петрограде. При самом своем возникновении он прикрылся лицемерной маской. Объявлялось, что он образован отнюдь не для захвата власти, а якобы для борьбы с анархией и погромами. Из[-]под этой маски и за спиной переговоров о соглашении с социалистическими партиями, он нанес свой предательский удар в спину демократии. Даже не вся партия большевиков принимала участие в этом перевороте. Петроградский комитет совершил, но за спиной большинства Ц.К. Р.К.П. и против его воли. Это факты безусловно установленные. Правда, военно-революционный комитет опирался на большинство в Петроградском совете и на большинство Петроградского пролетариата, но большинство пролетариата в стране, огромное большинство солдат и подавляющее большинство крестьянства были против переворота и шли в это время за с-р'ами и меньшевиками.

Председатель (перебивает). Это оскорбление трудящихся масс, я не позволю оскорблять волю трудящихся. Она была ясно выражена вторым Съездом Советов. И на суде Верх[овного] Триб[унал]а я не допущу нападения на высший орган Республики.

Гоц. Я утверждаю лишь исторический факт, что Съезд Советов был поставлен перед совершившимся фактом переворота. И я уверен, что если бы Военно-Революционный комитет, отражавший волю лишь Петроградского пролетариата, не поставил Съезд перед совершившимся фактом, то Съезд нашел бы иные пути для решения споров внутри демократии, а не пути крови и насилия, на которые толкнули Россию большевики. Но Съезд был вынужден санкционировать этот переворот, ибо он понимал, что Военно-Революционный Комитет не откажется от захваченной власти и что аннулировать переворот – это значило бы для Съезда вновь начать войну[,] уже на этот раз против захватившего власть Военно-Революционного комитета и стоявшей за ним части Петроградского пролетариата.

Перед нами стал вопрос о сопротивлении насильническому перевороту и отпор был нами организован. Прокурор обвинял нас в том, что мы прибегли для этого к псевдониму «Комитета^а Спасения Родины и Революции» для того, чтобы потом, в случае неудачи, иметь возможность отречься от движения. Это неправда[.] Ц.К. дал мне полномочие^б организовать отпор^б[.] и я решил сделать это от имени наиболее крупной и влиятельной в то время в Петрограде организации, объединявшей все демократические, социалистические силы: все профсоюзы, все органы демократии и все социалистические партии, кроме большевиков. Не трудовое и не социалистическое представительство в комитете^г не было допущено. И естественно, что начиная борьбу против диктатуры одной партии, я должен был призвать к восстанию не от имени той или другой партии, а от имени комитета^д, объединявшего все силы демократии и социализма. «Комитет спасения Родины и Революции» начал это движение 29 октября и никогда впоследствии он от него не отрекался. Эпизод с моим, якобы отречением – здесь был совершенно ложно изложен прокурором. Прокурор многое

^а Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^{б-в} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного начать восстание.

^г Исправлено Гоцем взамен ранее написанного Союза.

^д То же.

запамятовал. И это характерно, что всякий раз, когда прокурор, обладающий феноменальной памятью[,] делает ошибки, то эти ошибки всегда бывают в сторону отягчения обвинения. С самого первого возстания моя роль в нем была совершенно явной и открытой.

В день 29-го был арестован Брудерер, у которого был отобран при аресте документ о назначении его комендантом Владимирского военного училища^ж, подписанный мною, как членом комитета Спасения. И все другие приказы в этот день подписывал я же, а не Авксентьев, так как именно я был в Штабе в Инженерном Училище. И мой отказ от подписи на апокрифическом документе, о котором здесь слишком много говорилось, означал только то, что в нем было, а именно, что этого документа я не видал и его я не подписывал.

Мною для руководства движением был назначен полковник Полковников. Это было сделано не потому, как думает прокурор, чтобы привлечь казачьи части на нашу сторону. Нет, Полковников был назначен потому, что мы его считали самым способным и выдающимся военным руководителем. Нам был ближе Краковецкий, но мы его считали недостаточно энергичным и решительным и поэтому он был назначен лишь в начальники Штаба, как ближайший помощник Полковникова. В нашем распоряжении был еще другой полковник, с[оциал-]р[еволюционер] Куропаткин, который был бы более подходящим лицом для руководства движением, но он из скромности сам отказался от руководящей роли и взял на себя лишь выполнение одного из самых важных боевых заданий – захват Петропавловской крепости. К сожалению он был убит в самом начале восстания. Что касается Полковникова в политическом отношении, то если он и возбуждал наши сомнения, это было отнюдь не в смысле его правизны, а напротив, в смысле его уклона в сторону большевиков. Но тогда нам эти упреки его в большевизме казались необоснованными – вот почему я и считал возможным назначить его для верховного руководства.

После неудачи движений 29-го окт[ября] мы увидели, что в нашем распоряжении нет сил для немедленного свержения большевиков вооруженной рукой, и мы изменили нашу тактику. Началась тактика последовательной изоляции большевиков от всех социалистических и демократических сил и от народных масс; в то же время, стремясь к объединению демократии, мы делали все усилия потушить гражданскую войну путем переговоров и соглашений. Я имею в виду переговоры по инициативе Викжеля⁸⁰ и переговоры в Могилеве⁸¹. И опять[-]таки здесь вина за неудачу переговоров падает не на нас, а на вас. Это было признано еще тогда же такой близкой к вам группой, как группа «Новой Жизни»⁸², которая открыто писала, что в срыве переговоров виноваты большевики. Это же подтверждается и выходом в отставку и многих членов тогдашнего большевистского правительства, которые мотивировали свой уход тем, что диктатура одной партии, диктатура крови и насилия может лишь привести к гибели и крушению революции. Эти свидетельства правильности нашей тогдашней позиции, исходившие из ваших рядов, я привожу потому, что они и для вас должны быть авторитетны. Тактика изоляции с успехом проводилась нами до 5 января, и одиночество захватившей власть партии к этому времени стало уже очевидным.

Перехожу ко дню открытия Учредительного Собрания.

В оценке событий этого дня представители прокуратуры разошлись между собой. Луначарский все объясняет гамлетизмом Гоца, румянец воли которого угас под наплывом развешиваемых сомнений – в последнюю решительную минуту Гоц сдал и остановил злоумышленный план вооруженного восстания. И конечно, – говорил Луначарский, здесь дело не в личном гамлетизме Гоца, в нем лишь[,] как в капле воды[,] отразилась двойственная природа мелкобуржуазной партии, ее две антагонистических души, ее вечные колебания между двумя путями. Крыленко выдвигал другую версию: не гамлетизм, а тартюфство³, лицемерие и безчестность. Покровский, как добрый старый марксист (по его словам)[,] разрешал вопрос проще: у них просто не было сил, – говорил он – вот и все. И, конечно, эта простая оценка правильнее всего остального. В это время мы считали необходимым мобилизовать все военные и общественные силы, чтобы дать отпор большевикам, в случае, если они посягнут на высший орган народовластия. Но мы не хотели брать на себя начало вооруженной борьбы и считали необходимым лишь вызвать Петроградские трудовые массы к изъяснению своей воли к борьбе^и за Учредительное Собрание. Мы призвали поэтому к мирной демонстрации, демонстрации воли народных масс.

Крыленко говорит о двойном плане – о мирном открытом плане и о тайном боевом плане. Допустим даже, что его предположение и верно, но ведь на деле[-]то осуществилась лишь мирная часть демонстрации[,] и она[-]то и была расстреляна вами. Ведь броневики, Семеновский полк и прочие части предполагаемой вами вооруженной демонстрации не вышли, их там не было. Нам не удалось собрать вооруженный кулак, но мы считали бы преступлением, если бы мы в то время не приняли всех мер к вооруженной защите Учред[ительного] Собрания. Это был наш долг и мы его выполнили. Все усилия были сделаны и не наша вина, а наша беда, что сил не оказалось. Крыленке его версия

^ж Исправлено Гоцем взамен ранее написанного школ прапорщиков.

³ Вписано Гоцем сверху над строкой.

^и То же.

понадобилась для того, чтобы скрыть истинный смысл событий 5-го января, ибо в этот день вами была расстреляна мирная демонстрация рабочих Петрограда. Чтобы скрыть это ваше преступление, вы и измыслили двойной план. Но если даже мы и хотели осуществить вторую половину этого плана, это не снимает с вас ответственности за пролитую кровь, ибо вы[-]то расстреливали мирную демонстрацию рабочих. На деле же, конечно, никакой скрытой половины плана и не было. Мы призывали народ лишь «заявить властно» в этот день, что единственной законной властью в стране, властью революционной является Учред[ительное] Собрание. И оно должно было уже само в случае посягательств на его права со стороны какой[-] либо одной партии подавить восстание этой партии против него и охранить себя силой от всяких насильнических посягательств.

Этот день был поворотным днем в истории русской революции. Роза Люксембург, ваша сторонница, в своей книжке «Русская революция» правильно оценивает значение этого поворотного пункта. «Выдающуюся роль в политике большевиков сыграл разгон Учредительного Собрания 5-го января. Эта мера определила их дальнейшую позицию, она была до известной степени поворотным пунктом их тактики. Известно, что Ленин и его друзья бурно требовали созыва Учредительного Собрания до своей октябрьской победы, – что именно политика затягивания в этом вопросе со стороны правительства Керенского была одним из пунктов обвинения большевиками этого правительства и давала им повод к жесточайшим нападкам на него. Троцкий говорит даже в одной из интересных своих статей, – “От октябрьской революции до Брестского мира” – что октябрьский переворот был “настоящим спасением для Учредительного Собрания, как для всей революции...”».

В дальнейшем большевики объяснили разгон У[чредительного] Собр[ания] следующими аргументами: тем, что позиции избравшего его народа уже изменились, что оно представляет собой уже «вчерашний день» революции и тем, что накануне выборов произошел раскол в ПСР, но на выборах партия левых с[оциал-] р[еволюционеров] шла по одним спискам с ПСР, составленным до раскола. Отвечая на эти соображения большевиков...

Бухарин: Роза Люксембург хотела сжечь эту книгу.

Гоц. Это фантастика, но мне вполне понятно, что гр[ажданин] Бухарин хотел бы сжечь эту книгу. Я продолжаю: На эти соображения большевиков «о вчерашнем дне» Роза Люксембург отвечала: «Нужно только удивляться, что такие умные люди, как Ленин и Троцкий не пришли к само собой напрашивающимся выводам: Если Учредительное Собрание избрано задолго до поворотного пункта – октябрьского переворота – и отражает прошедшее, а не новое положение в стране, то само собой напрашивается вывод, что нужно кассировать устаревшее мертворожденное Учредительное Собрание и немедленно назначить новые выборы в новое Собрание». – Это самое говорили и мы тогда – «Вместо этого – продолжает Роза Люксембург, – Троцкий, на основании негодности собравшегося данного собрания, приходит к общему выводу о ненужности и негодности вообще всякого народного представительства, основанного на всеобщем избирательном праве во время Революции, указывая на его громоздкость и проч.»

“Вопрос стоял таким образом: диктатура партии или демократия, власть большинства класса трудящихся или небольшой его части? Вы были за демократию, пока вам казалось, что большинство может быть за вас, но в это время вы уже поняли, что большинство трудящихся против вас, и тогда вы отвергли демократию. Крыленко здесь прочел нам лекцию для кружков 2-го типа старого времени⁸³ на тему о том, что демократия не фетиш и не идол и что в формах демократии может осуществляться буржуазное господство. Это азбука социалистической теории. Демократия, конечно, не идол; она есть лишь средство, она есть единственная форма, в которой могут быть осуществлены социалистические идеалы. Отношение большевиков к политической свободе таково: если она им нужна – они за нее, но если другим – они ее отменяют. Для нас же является азбукой, что свобода для одних уже не свобода и что только при свободе для всех возможно массовое рабочее движение, возможна самостоятельность трудящихся, а без массового рабочего движения и самостоятельности трудящихся не может быть социализма. Вот почему мы говорим: «Свобода и самостоятельность масс – душа социализма». Луначарский с его теорией о темноте народных масс, которым вредна свобода, которым вредно «слишком» большое соприкосновение с политическими партиями, напоминает мне другую фигуру, фигуру царских времен. Кто это – если не Победоносцев с его разсуждениями о детской чистоте народных масс, которые нужно оберегать в принципах православия путем жесточайшей полицейской охраны от тлетворных влияний вредных агитаторов, волков в овечьей шкуре. Отсюда один шаг до легенды Достоевского о Великом Инквизиторе.

Председатель. Я прошу вас перейти ближе к делу. Разогнали Учредилку и хорошо сделали. Идите дальше, а не топчитесь на одном месте. Диктатура пролетариата для нас есть форма

⁸³-л Исправлено Гоцем взамен ранее написанного выявить.

^{м-н} Текст написан Гоцем.

власти непреложной и обсуждению здесь не подлежит.

Гоц: Я вижу, что прав был Крыленко, когда говорил в начале своей речи о том, что можно было еще в первый день процесса без всякого расследования и речей вынести нам приговор к расстрелу. Но мы все же считаем необходимым выяснить здесь мотивы нашего поведения. Роза Люксембург в своей интересной книге говорит: «Свобода лишь для сторонников правительства, для членов одной только партии, как бы она ни была численно велика, не является свободой. Свобода всегда была и есть свобода для инакомыслящих». – Это так: иначе свобода превращается в привилегию. А вы это и сделали, и превратили в вопрос дискуссионный даже вопрос о свободе для членов коммунистической партии, так как у вас даже и им не всем принадлежит эта привилегия^н.

После 5-го января начался новый период, период накопления и собирания °сил трудящихся масс^н. Понятно, почему в это время мы всячески противились всем попыткам вспышкоступательства – мы не хотели растрчивать силы по отдельным случаям. Это наша основная линия Ц.К. сталкивалась с другой линией, с линией Семенова и части военной комиссии, с линией безудержного активизма, который мы твердо и решительно отменяли. Семенов и часть военной организации не хотели считаться ни с чем и в любой момент признавали возможным начать вооруженное возмание по любому поводу. Эту тактику мартовского путчизма⁸⁴, о которой здесь нам много бы могла рассказать Клара Цеткин, мы всегда пресекали. Мы их расхолаживали и удерживали от авантюры, на которые они постоянно порывались. Так было в случае разоружения Преображенского полка, Минной дивизии, волнений на Обуховском заводе и т.д. В одном мы с ними тогда сходились: и мы и они одинаково знали, что симпатии рабочего класса на нашей стороне, а не на стороне большевиков, но в рабочих массах не было организованности и решимости к борьбе против большевиков. Поэтому[-] то мы и удерживали от выступлений, считая нужным вести организационную подготовку. В случае с Преображенским полком мы, конечно, не хотели потерять его, как вооруженную единицу, и мы считали необходимым помочь возникшему в нем плану воспрепятствовать разоружению путем решительного протеста со стороны других полков, которых ожидала та же участь. Что касается наших дружин, то это были в то время такие жалкие группки, роль которых была ничтожна и не могла быть иной. Мы знали, что во всякой политической революционной борьбе дело может дойти и до вооруженного столкновения, но ведь и вы это знали в то время, когда вы отдавали приказ о разоружении. Вы шли на возможность столкновения, вы его начинали и провоцировали. Нашей задачей было не пойти на провокацию, если нет сил для решительного столкновения. Мы и не пошли и не поддались провокации, и мы оказались правы – в своем большинстве эти полки были заполнены шкурниками, думавшими лишь о сохранении материальных благ, а преданные нам группы составляли в них лишь меньшинство. В случае с Минной дивизией мы знали также, что среди ее командного состава имелись и черносотенные элементы. Мы это принимали во внимание и ставили своей задачей их нейтрализовать. Однако, мы знали, что эта опасность была невелика, т[ак] к[ак] матросские массы были, конечно, чужды черносотенства и эти реакционные группы не смогли даже показывать своего лица. Так было до 8-го Совета. К этому времени неизбежность вооруженной борьбы в общерусском масштабе встала для партии совершенно ясно и 8-й Совет лишь подвел итоги тому, что было установлено на местах. Покровский издевался над нашей идеей возсоздания Восточного фронта, он не понимал, как могли мы вновь втягивать страну в войну, когда она только что с таким трудом и потерями выбралась из этой живодерни. Крыленко и здесь все объяснил нашим лицемерием и утверждает, что мы только говорили о войне против немцев, а на самом деле думали лишь о борьбе с большевиками. Однако, и здесь я должен сказать, что мы были не одни. Не только мы, но и ваши союзники, левые эсэры, считали необходимым возобновить борьбу с немецким империализмом. И в ваших собственных рядах было много сторонников этой идеи о возсоздании антигерманского фронта. Между прочим, в их числе был и Бухарин и многие другие. Что же, и у Бухарина это было лицемерие?

Нам ставили вопрос: чем можно объяснить провал Самары⁸⁵, если признать правильным наше утверждение, что массы были на нашей стороне? Что это, чудо, или гений большевиков?! – восклицал Покровский. Нет, дело не в чуде, конечно. Беда заключалась главным образом в том, что нам приходилось импровизировать государство и армию на поле сражения. Это сыграло огромную роль. Сюда прибавилось еще и то, что благодаря чешскому восстанию, эта необычайно трудная задача нам выпала раньше времени, в то время, как лучших наших сил там не было и когда мы еще не успели сделать всех необходимых приготовлений к планомерному выступлению. Кроме того, и это тоже нужно отметить, в нашем распоряжении не было того выкованного, точно действующего партийного механизма, каким обладали вы. Это тоже сыграло не малую роль. В процессе войны, неизбежно при всяких условиях, усиливается значение военщины. У вас, в лице вашей партийной организации имелся противовес этому усилению, у нас же его не было. И благодаря этому

^{н-н} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного для вооруженной борьбы.

молодая, складывающаяся на поле битвы, государственность подпала слишком большому влиянию чуждой нам военщины. И в то же время, в тылу за нашим фронтом, предательская политика буржуазных группировок наносила нам удар за ударом в спину. Крестьянские же массы, переутомленные и измученные войной, не были в полной мере способны на весь тот героизм, который им необходимо было проявить для защиты их молодой демократической государственности. Вы же, действительно, проявили необычайные способности в организации и выработке способов властвования над массами. Если не для внешней обороны, то для поддержки и укрепления вашей власти, вам удалось создать сильную красную армию и могучий аппарат Чеки, которому мог бы позавидовать и ^Рминистр полиции Французской Империи, Фуше^с. В этом отношении вы выказали необычайные способности, за которые вам ныне не даром слагают акафисты бывшие октябристы, не [19]17-го, а [190]5-го года.

Перехожу к положению после разгрома нашей попытки на Волге. Два обстоятельства играют главную роль в определении нашей дальнейшей тактики. С одной стороны[,] ликвидация германской опасности устранила необходимость борьбы с немецким империализмом, с другой, реакция, в лице правительств Колчака и Деникина¹, после победы над нами настолько усилилась, что стала грозить всем завоеваниям революции и полной реставрацией. Все это было нами учтено на декабрьской и февральской конференциях. А затем на 9-м Совете были подведены окончательные итоги и была выработана новая ясная и твердая тактическая линия, остающаяся в общем и целом неизменной и до настоящего времени.

В оценке 9-го Совета наши обвинители опять[-]таки не сходятся между собой. Луначарский считает, что 9-й совет был попыткой надеть маску легальности. Покровский, напротив, полагает, что никакого изменения в тактике не произошло, что по[-]прежнему с-р'ы хотят вооруженного возстания и по[-]прежнему не могут устроить его за неимением сил. Крыленко опять[-]таки твердит о лицемерии. И здесь, как и всегда, ему чудятся две точки зрения, два пути, ^Удва метода для внешнего и внутреннего употребления^ф. Но здесь Крыленко в большой мере облегчает мою задачу тем, что приводит к одному знаменателю, к разстрелу, как вооруженную, так и невооруженную борьбу против большевистской диктатуры. Так или иначе, говорит он, ваша цель остается прежней – свержение советской власти, а за это у нас все равно полагается разстрел. Это по крайней мере ясно^х и дает мне возможность совсем независимо от разстрела и уголовных статей развить наши действительные взгляды. От права на вооруженные возстания мы не отказываемся. Это – неотъемлемое право народных масс и ни одна революционная партия никогда не может от него отречься. Когда массы действительно будут вовлечены в борьбу, возможно – и это зависит в значительной мере от вашей тактики – что это теоретическое право на возстание – выльется в реальные факты. Но сейчас в порядке дня стоит не вооруженная борьба с большевиками, а организация^ц широкого политического движения народных масс^ч.

Вы нас спрашивали – отказываемся ли мы от борьбы за власть. Нет, мы не отказываемся от борьбы за власть, ибо это есть постоянная цель всякой политической борьбы в конечном итоге. Но в данный момент мы не ставим своей непосредственной задачей захват власти путем заговоров, инсurreкций, террора и т[ому] под[обное]. Такой задачи перед нами сейчас нет. От вооруженной борьбы, как тактического приема настоящего времени мы отказались. Отказались потому, что учитываем тяжелое положение страны, голод, разорение и утомление народных масс и всю неблагоприятную международную обстановку.

Основной проблемой дня сейчас является не захват власти в стране, но завоевание широких политических свобод и демократических гарантий. В этом сейчас центр всех наших политических кампаний. Отрицательно сформулированный вопрос сводится к вопросу о преодолении большевистской диктатуры. Это преодоление безусловно необходимо рабочему классу, ибо только сбросив этот могильный камень, придавивший всю Россию, рабочий класс сможет вступить на путь защиты всех своих классовых интересов. – В этом смысле совершенно правильна резолюция 10-го Совета, говорящая о насущной необходимости «преодоления большевистской диктатуры». Здесь в отрицательной форме выражено то же, что 9-й Совет выразил положительно в форме требования политических свобод и демократических гарантий. И путь преодоления большевистской диктатуры останется тот же путь, указанный и 9-м Советом, путь не вооруженной борьбы, а путь широких массовых политических кампаний. Путем этих политических кампаний мы хотим, чтобы рабочий класс развязал тот узел пут и стеснений, который завязан диктатурой одной партии на шее трудовых масс. Но если преступная политика власти доведет до того, что узел этот не будет развязан мирно, а

^{Р-с} Исправлено Гоцем взамен ранее написанного старые охранки.

¹ Далее из текста вычеркнуто питаемые всей политикой большевиков.

^{У-ф} Вписано Гоцем сверху над строкой.

^х Исправлено Гоцем взамен ранее написанного хорошо.

^ц Вписано Гоцем сверху над строкой.

^ч Далее Гоцем вычеркнуто в мирных формах.

будет разрублен в новом кровавом взрыве, то вся ответственность за это ляжет на власть, которая не поняла, что нельзя бесконечно противодействовать интересам и стремлениям народных масс. Крыленко указывает на то, что в современной обстановке эти широкие политические кампании легко могут привести к вооруженным восстаниям. Да, это так. И это прежде всего вы должны знать. Это из[-]за вашей политики насилий всякая мирная борьба трудящихся масс превращается в вооруженное восстание. Это вы довели страну до такого состояния, что лишили трудовые народные массы всякой возможности отстаивать свои интересы мирным путем. И довели народные массы до того, что они неизбежно толкаются на путь восстаний. На наши указания о необходимости политическими уступками дополнить НЭП, Крыленко отвечал: ... «бросьте ваши бессмысленные мечтанья! На политические уступки мы не пойдем и ни крупинки нашей власти мы никому не уступим». Это старая знакомая речи. Мы их слышали не раз от царской власти⁸⁶. Они дорого ей обошлись. Мы об этом не жалеем, но о том, что они слишком дорого обошлись и народу – приходится сожалеть. ¹³¹«Не надо забывать, к чему приводят эти бессмысленные речи об очень осмысленных стремлениях русского рабочего класса¹³¹. Но так ли уж вы тверды в вашей политической неуступчивости? Я этого не думаю. Ведь не так еще давно вы клялись, что никогда к международному капиталу на поклон не пойдете; а, однако, пошли и к международному, и к отечественному. А давно ли вы считали продрозверстку единственной правильной связью меду городом и деревней, как говорил Бухарин в «Экономике переходного периода»... И однако, вы уже заменили продрозверстку продналогом. Из горделивых предвестников немедленного коммунизма, все больше превращаетесь в жалких восстановителей буржуазного строя. Вы пошли на уступки и отечественной буржуазии, в лице ее новых худших хищнических представителей. Вы создали НЭП, вы открыли Нижегородскую ярмарку и на страницах ваших газет привлекаете туда купцов заманчивыми публикациями о ярмарочных ресторанах и увеселительных местах. Характерна карикатура юмористического приложения к «Рабочей Газете», где Стеклов изгоняется с первых страниц ваших «Известий» целой лавиной торгашеских объявлений. И я боюсь, что эта лавина торгашества и возрождающихся примитивных форм хищнического капитализма выметет из русской жизни не только вас, но и все завоевания революции, которым вы нанесли сами первый наиболее тяжелый удар. Буржуазные силы, которые вы вызываете к жизни, дадут вам первый удар коленом. И благодаря вашей же политике, доведшей Россию до полного национального безсилия, хищнический международный капитал распадется такой жадой, такими аппетитами, о каких раньше он и не мечтал... В борьбе против международного хищничества, наша партия заняла определенную позицию отстаивания интересов России, как целого, каким бы правительством она не управлялась. Поэтому мы будем добиваться международного признания и Советской власти, так как непризнание вашей власти, в котором вы сами более, чем кто повинны, ведет лишь к худшим, наиболее тяжелым формам закабаления России международному капиталу.

Пятаков: Я не могу позволить касаться международных отношений.

Гоц: Но я уже кончил. Я вижу только, что у Крыленки мои слова возбудили смех. Этот смех смущает нас так же мало, как и его угрозы разстрела.

Я повторяю, что теперь черед за трудящимися массами, которым, как воздух для жизни, нужны основные политические свободы и демократические гарантии, иначе без них рабочий класс будет выдан, связанный по рукам и ногам, буржуазии в тот момент, когда она вас вышибет вон, пинком в зад. Рабочий класс только сам может себя спасти своей самостоятельностью и свободно созданными мощными классовыми организациями; и не опекунам, хотя бы и коммунистическим, его спасти путем лишения «излишней» свободы.

И если рабочий класс своим мускулистым плечом дружно наплет на дверь, запертую вами, она или откроется, или будет сорвана прочь с петель. От вас, от вашего благоразумия зависит, так или иначе будет. Я хотел бы, чтобы у вас хватило политической честности уступить рабочим в их притязаниях, в их стремлении самим в условиях свободы отстаивать свои интересы. Иначе неизбежна новая гражданская война, которая была бы несказанно губительной для страны, доведенной царизмом, войной и вами до последних пределов разорения и голода. В этих условиях мы не хотели бы новой гражданской войны, но мы считаем себя обязанными организовывать народные массы и призывать их к широким политическим кампаниям. Повторяю, не наша будет вина, если вы вновь вызовете восстания.

Русская революция уже проделала свой буржуазный термидор. В наших условиях он отличается от французского термидора только тем, что у нас одна и та же политическая партия сама берет себе привилегию проделывать все метаморфозы. Луначарский выражал здесь сожаление, что не была произведена спасительная хирургическая операция над партией с.р. по примеру якобинцев над жирондистами¹³², но это еще не поздно, вы еще имеете время.

¹³¹⁻¹³¹ Вписано Гоцем взамен вычеркнутого И нам жаль, если и вы захотите повторить политику царской власти.

¹³² Вписано Гоцем сверху над строкой.

Вы не только пошли на уступки международному капиталу, вы не только вступили на путь соглашательства с мелким хищническим капитализмом в России, вы проделали и ваше 18 брюмера по отношению к крестьянству. Да, вы бонопартисты^в, вы оставили за крестьянами завоеванную ими землю, вы сделали крестьянам ряд уступок в области продовольственной политики, но вы организовали над ними ваше господство по Бонопартистски^б. Вы лишили их всяких прав, всякого подобия свободы и держите кнут и нагайку над спиной кормящего вас мужика.

В таких условиях нечего и мечтать, конечно, о социализме. Для социализма необходимы два предварительных условия: зрелый, организованный пролетариат и крупные высшие формы промышленности. Тот, кто разрушает эти два условия, тот делает контр-революционное дело. Вы разрушили до конца в России промышленность и вы распылили пролетариат, уничтожили, деклассировали его, лишили всякой возможности создавать свои свободные классовые организации. Вы выполнили таким образом в полной мере контр-революционную работу.

Мне остается сказать еще о представленных здесь документах Административного Центра. Прокурор Крыленко был автором или, вернее, передатчиком сюда этих документов, ибо я не думаю, что Крыленко мог пойти по стопам прокурора Лыжина, скорее он стремится подражать Фуке-Теннвилю. Я не заподозреваю ни Трибунал, ни прокурора в подделке, но для нас не сомнен тот мутный источник, из которого они получены. Те друзья гр[аждани]на Крыленко, о которых он говорил, представляя эти документы, оказались бандой монархических прохвостов, которые за деньги выкрали эти документы, как бандиты. И не ясно ли, что эти прохвосты были в высокой мере заинтересованы, чтобы придать наибольшую сенсационность этим документам и тем увеличить их цену. Ведь не ради прекрасных глаз Крыленко выкрали они эти документы, а исключительно из[-]за денег. Я позволю себе вам напомнить пресловутые документы, опубликованные в копиях и с фотографиями не хуже ваших от имени Американского Общества[,] о продажности партии большевиков. Там были и подписи, и факсимилэ, сделанные так искусно³, что даже те лица, чьи подписи были подделаны, только разводили руками. Всякий документ можно подделать^ю. И ни в какой мере эти документы не могут сейчас представлять никакого судебного материала, ибо у нас нет ни малейшей возможности их проверить. Поддельные они или нет – мы не знаем. Это могли бы сказать лишь наши заграничные товарищи. И они, конечно, это скажут и дадут все необходимые разъяснения.

К подобного рода обвинениям следовало бы относиться с величайшей осторожностью, ибо грязь, бросаема в одну из социалистических партий, падает и на другие, и на социализм вообще. Дело Интернационала разобраться во всем этом. Вы, гр[аждани]н Крыленко, занеся над нами угрозу разстрела, требуете от нас отречения от этих документов и хотите, чтобы мы так купили себе жизнь. На подобные предложения мы можем ответить только презрением. Мы не знаем этих документов и потому не можем дать никаких объяснений. Политически мы вам дали полный исчерпывающий ответ на все ваши вопросы. Наши взгляды на интервенцию, на международное признание вашей власти, на вооруженную борьбу и т.д. мы вам осветили полностью. Если бы вы сидели на этих скамьях, я не знаю, как вы бы ответили на предложение предать и тем спастись – мы отвечаем презрительным молчанием. Наш партийный суд разберет и рассмотрит все эти вопросы, все наши внутренние дела, но вам мы не можем позволить в них копаться. ^аИ когда вы обращаетесь к нам с требованием, смысл которого может быть сформулирован, как «руки вверх», то мы вам отвечаем: «не запугаете!»^{1а}. Покровский ^{1б}требовал от Трибунала приговора, который бы вычеркнул партию с.р. из жизни, он ^{1в}хотел нас распылить и уничтожить, но едва ли вам это удастся. Мы все, оторванные тюрьмой более чем два года от народных масс и политической борьбы, получили здесь возможность дать отчет о нашей деятельности перед ^{1г}рабочим классом и партией^{1д}. Через ваши головы говорили мы с классом трудящихся, и не только наш отчет о прошлом, но и наши указания о путях дальнейшей борьбы мы им дали. Мы вам за это признательны^{1е}.

^{1ж}Эту трибуну мы использовали для того, чтобы рассказать рабочему классу о своей прошлой деятельности, о тех невольных ошибках, которые были неизбежны в трудных условиях

^в Так в документе, следует бонопартисты.

^б То же.

³ Так в документе.

^ю Далее в тексте вычеркнуто И есть люди, для которых сфабриковать подпись ничего не стоит.

^{я-1а} Вписано Гоцем.

^{1б-1в} То же.

^{1г-1д} Вписано Гоцем взамен вычеркнутого всем миром.

^{1е} Далее Гоцем вычеркнуто И этот наш долг мы выполняли и выполнили до конца. Если нам суждено умереть, мы умрем мужественно, как революционеры. Если же мы будем жить – как социалисты – мы будем по-прежнему бороться как социалисты.

^{1ж-1з} Текст написан Гоцем.

революционного кризиса, и чтобы поведать ему, как мы думаем о возможных путях спасения революции. И если этой нашей исповеди суждено будет стать нашим завещанием, мы выполним свой революционный долг до конца. Я не знаю, что суждено нам судьбой – жизнь или смерть. Если смерть – мы умрем, как революционеры, смело глядя ей прямо в глаза; если жизнь – мы будем дальше бороться со всем напряжением сил, как социалисты, во имя интересов рабоч[его] класса¹³.

– МИСИ. Архив ПСР. № 867. Защитительная речь Гоца. Рукописная стенографическая запись, осуществленная предположительно Е. Ивановой-Ирановой⁸⁷.

– Опубликовано: Революционная Россия. 1922. № 21–22. С. 7–12.